

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ.АБАЯ

**Теоретические и методологические
проблемы филологии**

*Сборник научных статей к 70-летию
Лаззат Кабылдашевны Жаналиной*

Алматы, 2015

	демесі	487
Сержан Г., Жанабекова М.	Қазақстандағы ағылшын және қытай тілдерінің сипаты.....	492
Тажибаева Ш.А.	О формировании конкурентоспособного спе- циалиста посредством полиязычного образо- вания.....	496
Таженова А.С.	Студенттердің мәдениет аралық қарым-қаты- нас іскерліктерін қалыптастырудың тыңда- тусінудің ерекшеліктері мен нақты жолдары	500
Тогжанова Л.К., Изтелеуова С.А.	О воспитании речевой культуры студентов немецкого вуза	505
Чектыбаева Л. Т.	Особенности изучения лексики русского языка в школах с казахским языком обучения	510

VI. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Габдуллина В.И.	Проблема авторской позиции Достоевского в контексте теории автора в литературоведении XX – XXI вв.	515
Масолова Е.А.	Христианское начало в романе Толстого «Воскресение» в интерпретации современных литературоведов	520
Аймагамбетова М.М.	Художественное произведение как репрезен- тант культуры в контексте межкультурной коммуникации	526
Айтпенбетова Г.А.	Особенности филологического исследования структуры и содержания художественного текста	532
Каиржанов А.	Поиски доминирующих смыслов жизни	538
Ломова Е.А.	Рецепция «семейной темы» у Ф. Достоевского в произведениях американских писателей	541
Маханова Г.Б.	Аспекты перевода в наследии Абая Кунанбаева	546
Муминов С.О., Абдрахман Г.К.	Онтологические образы в романе А.Платонова «Чевенгур»	553
Әбдіғалиева Т., Раева Ә.	Қазіргі қазақ тіліндегі сөзжасам бірліктерінің тіл деңгейіне сай сипатталуы	557
Сарсекеева Н.К.	Культурно-философские аспекты интеллек- туальной прозы Д. Амантая	563
Серикова С.К., Сабирова Да.	Категория семьи как объект гуманитарных исследований	567
Әбдікәрімова Т.М.	Оқулық мәтіндемесін кураудың ғылыми теориялық негізі	571

Сарсекеева Н.К. КазНУ им. аль-Фараби,
кандидат филологических наук, доцент

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЫ Д. АМАНТАЯ

Одним из самых заметных казахстанских писателей «нового поколения» является Лидар Амантай – известный писатель, культуролог, журналист, главный редактор Национальной киностудии «Казахфильм» имени Ш.Айманова. За его плечами солидная «школа жизни»: сельская школа, армия, политехнический институт, философско-экономический факультет и факультет журналистики КазГУ, факультет кино Института театра и кино (специальность - кинодраматург), курсы журналистики США, Словакии и др. Много лет работавший на телевидении, в издательствах, общественном фонде, редактором газет, писатель является автором книг: «Постскриптум» (сборник рассказов, 1996), «Благослови меня» (книга прозы, 2000), «Цветы и книги» (роман, 2003), «Осеннее randevu» (сборник повестей и рассказов, 2005) и «На вершинах Каркаралы» (роман, повести, рассказы, 2010), автором ряда сценариев. Последний сборник, в который вошел также роман «Цветы и книги», уже переведен на русский, французский, немецкий, арабский, китайский, корейский и ряд европейских языков.

Лауреат многочисленных премий, Д.Амантай одинаково свободно пишет на русском и казахском языках. Об авторском дискурсе писателя критики приводят порой взаимоисключающие суждения, поскольку в его книгах зачастую «отсутствуют» герои и сюжет. Так, широко известный в нашей стране и далеко за ее пределами русско-немецко-казахский писатель и критик Г.К.Бельгер отмечает: он пишет для изысканного, образованного писателя, многое недосказывает, его нужно читать, имея представление о мировой литературе, ибо он состоит «сплошь из ассоциаций» [1].

В большинстве своем герои Д.Амантая – современная казахская молодежь, городская и аульная, как правило, образованная, читающая, ищащая свою нишу в обществе. Молодые девушки и юноши, мечтающие о любви и семье, испытывающие разочарование, а потому психически ломающиеся, не выдерживая порой жизненных испытаний. Интриги, они часто причиняют боль друг другу, вступают в случайные связи, подолгу выясняют отношения, рассуждают о жизни и смерти, предаются тоске и одиночеству...

Г.К. Бельгер отмечает некую зыбкость, неясность, влияние ирреального в сюжетах произведений писателя. Но наиболее сильной стороной писателя Д.Амантая являются не описания, а диалоги – чаще всего о философии, литературе. Он пришел в казахскую литературу из русскоязычной среды, после окончания русского отделения философско-экономического факультета КазГУ и в своих интервью нередко цитирует слова Л.Н.Толстого: художник должен быть лаконичным и иметь богатый ассоциативный ряд, особенно – современный писатель. Действительно, произведениям Д.Амантая свойственна «книжность», необычное восприятие мира, грандиозность художественного замысла, акцентированная интеллектуальность прозы и ассоциатив-

ность письма, поиски национальной самоидентификации и духовности. Не случайно доктор философских наук А.Наутибекова относит его творчество к интеллектуальному процессу, обращает внимание на присутствие в жанрах писателя множества цитат из священных книг: Корана, Библии, Книги Тенгри...»

В одном из интервью писателя говорят, что конечная цель литературы состоялась как *свободная проза*, в которой может и быть главного героя или литературных персонажей, которые «определяют судьбу романа, рассказа, повести». Им было высказано также предположение, что в недалеком будущем проза должна будет стать свободной, интеллектуальной, но не для того, чтобы как-то отличаться, а чтобы сделаться раскрепощенной, более точно определять внутренний мир человека. Специфику этой *поэтической, интеллектуальной*, прозы будет определять сюжет: его существование или отсутствие.

Поэтическая проза, наставляет писатель, была во все времена, просто она была нематерией, а ее расцвет приходился на XIX-XX вв. Западноевропейские и американские модернисты пересекли обобщенное сознание и обогнутое понимание литературы: прымечный уклад жизни был нарушен, каждый человек, как огромная бесконечная Вселенная, уходит в себя. Это необходимо было выразить в своем стиле и формате. Такие, как Хэмингуэй, все мысли скажали в короткие предложения, и каждое из них несло в себе заряд, энергию.

Модернизм открыл поток сознания, в начинии с 1940-х-1960-х, – наступила новая эпоха в литературе – постмодернистическая. Согласимся с мнением видного культуролога, редактора журнала «Тамыр» А.Кодара, что творчество Д.Амангая представляет собой яркое модернистское явление, так как модерниста характеризует храня активную позицию, которая есть у писателя. А.Кодар отмечает также переходность писателя с Хэмингуэем и Камю, его «истинными предшественниками» [2].

Как известно, Хэмингуэй разработал и успешно использовал в своем творческом приеме «айбертас»: использование точных, рубленых фраз, за которые остаются «вертинальные смыслы», практически не улавливаемые при чтении. В какой-либо драматический момент героя могут благородить этому приему говорить совершенно об отвлеченных вещах, и смысл этих событий становится доступен читателю. И в то же время Хэмингуэй создал «эффект читателя» – когда при чтении текста какая-то деталь «притягивает» читателя, заставляя его сопротивляться, превращая его в соучастника гибели читателя.

В вышедшем в 2003 г. книге «Цветы и книги», победившей в конкурсе «Сорго-Казахстан» – «Современный казахстанский роман», Д.Амангай оформил две главные «заповеди»: «неэтами воссасывать Землю и Солнце, книги отвергать приступу!» Что же предстает собой эта книга, в которой сложено смешаны вымысел и реальность, «предсказанные» образы, обращающиеся к повествованию, «случайные» и странные сцепления эпизодов, аллюзии скрытых текстов?

564

мы исчерпаны, а тацит вспоминает замечание «тысяца». Однако все это мучения, связанные с процессом создания книги, и сама книга, открыта из нее, – это открытие в повествовании, свидетельствуют об обратном. Изменяется читатель, который *может* или *бездумно следовать* за изложением художника, или *проникается мыслью*, лежащей под спудом *внешне ходивших событий романа*. Он сам выберет то, что ему интересно.

Немало интересных сведений можно почерпнуть из главы «Летопись», в которой освещаются этапы и специфика формирования писательской этики, главы «Автор», в которых говорится о «хорошем авторе и писателе», «личностном направлении, находящем на родителя-тирана, уединенного в своей власти над волей и свободой собственного отца-сына» и др. А в самом конце главы дается типичное для повествователя обобщение: «Пришло время автору дать свободу прошедшему».

Глава «Цветы» – одна из самых лирических в повествовании Д.Амангая, ведь «если цветы – жаждущие детьи земли и солнца. Не успеет донести до дома, как на земле падут раскрывшиеся их лепестки и хрип лепестки. А как бым красноречия листья колдуют, мечтающие цвет и тени и сумерки? Вот красноречие сопетира, коротания, стробланы. Выбрасывайте любое из оборотьевальных комаровской прароды, обладающих любовью олеских везд...».

В финале произведения Алишер умирает в карете скорой помощи, так и не дождя до конца свое творение, попутно сканга все черновики, скангоски. Цветы, которым в повествовании отдано столько внимания, все же единого, узаконят, лепешевые нимоны и забытливый уход со стороны хозяина.

Однако опущенная утрыка не возникает, хотя время героя произведения сходит к фразе: «Время – это время героя». Между тем сам автор так не считает, демонстрируя не только знания древней истории творцов, легенд и сказаний их происхождения, возвышения и упадка было-го народа, но и величественную историю со словами, со звучанием словосочетаний, которые сошли со страницы его инчакульской музикальности – этим обясняется драматичный переход из книжной цветов и книг, далее, кстати, не случайный. Вероятно, через способность к «внутреннему» слуху и речи подводят Д.Амангай к главному – мысли о диклом культур и шиканзации.

В качестве мысли отметим, что Д.Амангай, как представитель «новой волны» в казахской интеллектуальной прозе периода независимости, ведет не столько поиск новых идей, проблематики, что было характерно для литературы предшествующего периода, сколько поиск истинных самобытнических форм и принципов повествования. Авторские методики Д.Амангая в рамках современной интеллектуальной прозы предполагают не установление взаимодействия, контакта, диалога различного литературно-художественных традиций. Диалогичность, внутренне пронесшаяся евразийской философией, выражает особое норовление, которое не спешит ни к Востоку, ни к Западу.

565

Автор через своего героя – писателя Алишера – ведет философский и религиозный поиск, основанный на той духовной толерантности, которая присуща Центральной Азии в целом. Энграфом к «Цветам и книзм» взяты слова из Книги Тенгри: «Какое из них уступает одно другому: тьма, избездонная сила или свет, разгоняющий тьму?» Противоборство света и тьмы, заявленное в энграфе, определяет сюжет и структуру повествования книги, начиная уже с первой ее части, однажды названной «Алишер»: «Землю насытил туман. Небо прописало все ниже. Под его гнетом невозможно было расправить плечи, люди вынуждены были перебираться ползком. Тяжестью из мышок оказалось именно это бессение распрямиться в рост» [3, с.76]. Как выясняется далее, это был сон, но он мало чем отличается от действительности, в которой живет герой Д.Амангая – молодой писатель Алишер, мечтавший сотворить «Книгу Тенгри».

Алишер, по его словам, волнуют три вопроса: что есть книга, что скрывает драма сегодняшний и прошлой, и кто есть тюрок. Герою никак не удается завершить роман, носившийся событиям из истории древних тюрок – «о расцвете великой династии на два лагеря», о том, как люди, разбрившись в «сорока родах», обрушили законы, установленные Всесмытым, им. Но были забыты коренные ритуалы святости и братства, извращены ирмы, утеряны память и разум... Книга Алишера должна стать «плачом» по утерянным веру в Тенгри тюрокам, скорбной песней об исходе скромнейшей Степи битым.

В книге приводятся длинные списки авторов всех континентов, мысли которых созвучны авторским. Среди них – и Абай, и Махамбет, и наш современник Олжас Сулейменов. Причудливо обнажаются драмы книжакская, сасакская цивилизации и реалии современного мегаполиса. По мнению автора, его современники также отдалились от внутренних основ тюркской культуры, стоял близкий ему, утратив Бога Тенгри – Верховное божество степного мира, где «природа является первоным правителем, сегодня членом свою магическую и магадонную ауру» [3, 91].

Немало места в повествовании отдано металлитературной проблематике, «агонии книги и «жизнеспособности» литературного творчества в целом в XXI веке, размышлениям о специфике литературного труда и психологии литературного творчества – это тема, в частности, является предметом бесед Алишера и журналистки Жамили. Можно наблюдать все то же, заявленное с самого начала, противостояние «силы и тьмы»: «Разве не в том цель творчества, чтобы влечь болезня, счасти умирающего, отвести подступающий на рассвет прырак смерти от того, кто в мухах бессонница Ело же роман проптан безысходной печалью. Или, можно надеяться, он побудит читателя к размышлению и облегчит хоть кому-нибудь время личных неизгод» [3, с. 101].

Не случайно для Алишера все вокруг пахнет книгами, книжной пылью: «можно предположить, – рассуждает Алишер, – что все литературные приемы

Литература:

1. Белгер Г.К. Цветы и книги Дилара //www.abai.kz/content/gerold-belger-tsvety-i-knigi-dilara
2. Кодар А. «Андреауда» пора выходить на сцену //www.dialog.kz 18.06.2007.
3. Кодар А. Цветы и книги //Амангай.- 2007. - № 6. - С. 76-117.

Серикова С.К. КазНПУ им. Абая доктор PhD, Сабирова Д.А. докторант

КАТЕГОРИЯ СЕМЬИ КАК ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На грани XX – XXI веков наиболее остро и животрепещущие стоят вопросы о сохранении и преумножении гуманистического, морального, этического потенциала многонационального и многоконфессионального народа Казахстана. В связи с этим первостепенный смысл приобрет разговор о literature, о духовной и нравственной силе слова, способного влиять на умы и сердца целых поколений людей. «Из книги в книгу литература в лучших своих произведениях с упором и последовательностью станет на общественное обсуждение вопрос о значении духовных и нравственных ценностей для человека и общества», – показывая и доказывая, что без глубокого и прочного нравственного фундамента задача формирования гражданина, человека не решить [1, с. 230]. – полагает литературовед Ф.Ф. Кузнецова. В настоящее время очень важно осознанное и проницательное понимание того, что герийский жизненный путь можно пройти лишь в свете незыблемых истинных ценностей человечества. Семья в данном рейтинге значимости является основополагающим элементом, отвечающим за благополучие не только отдельного индивида, но и всего государства.

Современное человечество вновь обращается к поискам вечных истин, к истокам и реальным политическим моральным и эстетическим идеалам в хаосе окружающей действительности и фемерных ценностей, насыщенных условиями существования и средствами массовой информации. В сложившейся ситуации неком «однодневным кончечтом», на наш взгляд, может выступить книжное и гностическое обращение к литературному потенциалу России. Именно литература, источник веков не только статистически отражала рожденное веком, но и принимала активное участие в его становлении, тем самым формуруя и воспитывая на примере лучших своих произведений внутреннюю среду разносторонней личности.

Семья и человек являются объектом исследования целого комплекса наук. Литература находится на стыке многих гуманитарных дисциплин, таких как философия, социология, регионалистика, искусствоведение, культурология, психология и др. Следовательно, при литературо-литературном анализе простирается неизбежно обращение к теориям и концепциям, разработанным в таких науках, как всех их объединяет единый объект исследования – человек и его отношения с другими людьми. Поскольку человеческая жизнь первоначально связана с семьей, где формируются духовные

567